

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162

Научная статья / Research paper

И.Л. Прохоренко*

ПОЛИТИКА ПАРТНЕРСТВА НАТО: ОТ ВОЕННОГО АЛЬЯНСА К СООБЩЕСТВУ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБРАТНО

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Несмотря на то что в этом году НАТО отмечает свой 75-летний юбилей, споры вокруг сущности и природы Североатлантического альянса, его роли в международных отношениях вообще и архитектуре европейской безопасности в частности не утихают до сих пор. Особенную актуальность эти дискуссии приобретают сейчас, когда система международных отношений вступила в период глобальной трансформации. Проблема осмысления феномена НАТО дополнительно осложняется тем обстоятельством, что на протяжении долгой истории альянса его организационные и идентитарные аспекты также неоднократно подвергались достаточно серьезным изменениям. Для того чтобы приблизиться к пониманию логики и динамики этих изменений, в данной статье предпринимается попытка выявить и проанализировать ключевые особенности политики партнерства НАТО в постбиполярную эпоху в контексте гибкой системы партнерских связей «коллективного Запада». Автор приходит к выводу, что после окончания холодной войны Североатлантический альянс столкнулся с серьезным кризисом идентичности и взял курс на радикальное расширение своего функционала, в том числе в рамках политики партнерства, за счет включения в него вопросов посткризисного регулирования, гуманитарной и гендерной безопасности, публичной дипломатии, изменения климата и т.д. Всё это свидетельствовало, на первый взгляд, об уверенной и по-

* Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: irinapr@imemo.ru; ORCID: 0000-0002-8090-7934).

следовательной трансформации НАТО из традиционного военно-политического объединения в «сообщество безопасности». Однако конфликт на Украине и глубокий раскол между Россией и Западом, которые во многом были спровоцированы именно специфическими установками политики партнерства и расширения НАТО, вновь вывели на первый план в процессах формирования коллективной идентичности блока традиционную бинарную логику «свой» — «чужой» и позиционирование себя в качестве прежде всего военного альянса.

Ключевые слова: НАТО, Североатлантический альянс, военный альянс, сообщество безопасности, мировой порядок, партнеры НАТО, оборонная идентичность, трансатлантическая безопасность, оборона Запада, Европейский союз, международные межправительственные организации

Для цитирования: Прохоренко И.Л. Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 141–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162.

Irina L. Prokhorenko

**NATO'S PARTNERSHIP POLICY:
FROM THE MILITARY ALLIANCE
TO THE SECURITY COMMUNITY, AND BACK AGAIN**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
3, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

Despite the fact that NATO is celebrating its 75th anniversary this year, there is an ongoing debate on the essence and nature of the alliance, its role in international relations in general and the architecture of European security in particular. These discussions are especially relevant now as the system of international relations has entered a period of global transformation. The fact that the alliance has undergone numerous organizational and identity changes throughout its long history makes the problem of understanding the phenomenon of NATO all the more difficult. In order to address this challenge, the article focuses on the key features of NATO's partnership policy in the post-bipolar world. The author concludes that in the wake of the Cold War, NATO faced a profound identity crisis and set a course for a radical functional expansion, in particular within the framework of partnership policy, by including the issues

of post-conflict reconstruction, human and gender security, public diplomacy, climate change, etc. into its agenda. All this seemed to indicate a radical shift of NATO from a traditional military-political association towards a genuine 'security community'. However, the conflict in Ukraine and the deep impasse between Russia and the West, largely provoked by the NATO's partnership and enlargement policy, has again brought to the forefront of the bloc's collective identity-building the traditional binary 'friend-and-foe' logic and, especially, self-representation as a military alliance.

Keywords: NATO, North Atlantic Alliance, partnership policy, military alliance, security community, world order, NATO partners, defence and security identity, transatlantic security, European Union

About the author: *Irina L. Prokhorenko* — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department for International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (e-mail: irinapr@imemo.ru; ORCID: 0000-0002-8090-7934).

For citation: Prokhorenko I.L. 2024. NATO's partnership policy: From the military alliance to the security community, and back again. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 141–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162. (In Russ.)

4 апреля 2024 г. исполнилось 75 лет со дня подписания Вашингтонского (Североатлантического) договора об образовании НАТО (Организации Североатлантического договора). Участниками созданного объединения были изначально 12 стран (Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США и Франция). Этому предшествовали кризис и распад антигитлеровской коалиции, стремительное нарастание международно-политической конфликтности в Европе, которое обернулось первым Берлинским кризисом, а также ряд иных внутри- и внешнеполитических событий, убедивших США и их союзников сделать подобный выбор. К этим факторам следует добавить стремление западноевропейских стран учредить военный альянс в интересах коллективной обороны перед лицом как «советской угрозы», так и опасности нового возрождения германского милитаризма [см. подробнее: Routledge handbook of NATO, 2024].

Первой попыткой создания такого рода альянса стал так называемый Брюссельский пакт, подписанный 17 марта 1948 г. главами государств и правительств Бельгии, Великобритании, Люксембурга, Нидерландов и Франции и чуть позже положенный в основу Западноевропейского союза (1954–2011), целью которого были формирование и институционализация европейского пространства коллективной безопасности на базе европейской оборонной идентичности. Последняя подразумевала на практике углубленное военное и военно-техническое сотрудничество европейских стран (причем не только членов Европейского экономического сообщества (ЕЭС), позднее — Европейского союза, ЕС) в интересах коллективных обороны и безопасности, а также выполнение оперативных функций в этой сфере [Wyn Rees, 2019; Rohan, 2014].

Идея Брюссельского пакта, пусть и в модифицированном виде, впоследствии была реализована и в рамках НАТО с ее Объединенными вооруженными силами, созданными в соответствии с решениями 5-й сессии Североатлантического совета (Совета НАТО) в сентябре 1950 г. Схожим было и указание на непротиворечие целей новой организации универсальным ценностям и нормам международного права, закрепленным в Уставе ООН. На это имелась ссылка в ст. 1 Североатлантического договора: «Договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международные мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН»¹. Подобно подписантам пакта 1948 г., страны — участницы НАТО обязались в случае вооруженного нападения на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого ст. 51 Устава ООН, оказать помощь, включая применение вооруженной силы в целях восстановления и последующего сохранения безопасности Северо-Атлантического региона².

¹ Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 01.06.2024).

² Там же.

Некоторые исследователи уверены, что в оценке НАТО следует отойти от ее традиционной трактовки как военного альянса, объединенного коллективными представлениями об общей внешней угрозе, и рассмотреть организацию скорее как некое сообщество, разделяющее либерально-демократические ценности и нормы в логике концепции «управления безопасностью» (*security governance*) [Webber et al., 2004]. Эта концепция предполагает скоординированное регулирование вопросов одновременно несколькими самостоятельными властными центрами принятия решений, участие как государственных, так и частных субъектов (в зависимости от характера проблемы), наличие формальных и неформальных процедур, структурированных определенными дискурсом и нормами и непосредственно направленных на достижение конкретных политических результатов [Webber et al., 2004; Adler, Barnett, 1998; Risse-Kappen, 1996]. Считается, что без этого невозможно понять трансформацию Североатлантического альянса после окончания холодной войны, динамическое взаимодействие форматов включения в структуры НАТО и исключения из них, «европеизацию» трансатлантической безопасности через различные инициативы Европейского союза и пр. Однако возникает очевидный вопрос: можно ли рассматривать в таком ключе НАТО с момента ее учреждения или она приобрела качества «сообщества безопасности» в ходе развития и эволюции, что позволило ей добиться внушительного по масштабам расширения своего состава?

Для другой группы исследователей наиболее удачной методологической рамкой для изучения феномена НАТО выступают кантовские идеи морального мира и «союза народов» в рамках федерации, которая, по мысли философа, должна была со временем охватить постепенно все государства и привести таким путем к «вечному миру» [см., например: Waterman et al., 2001; Ruggie, 1998; подробнее о международно-политических воззрениях И. Канта см.: Сергунин, 2011].

Для тех же авторов, кто считает всё же необходимым рассматривать НАТО как межправительственную организацию с процедурой принятия политических решений, контролируруемую одним участником, пусть и супердержавой, сущностным является вопрос о демократии и либерально-демократических ценностях в институте, основанном и функционирующем на базе в лучшем случае принципа

многосторонности, в худшем — двусторонних отношений (имеется в виду — с Соединенными Штатами, безусловным лидером в НАТО, вносящим наибольший вклад в систему евро-атлантической безопасности, особенно в военной сфере) и баланса норм и интересов [Sjursen, 2004].

Проблема осмысления феномена НАТО дополнительно осложняется тем обстоятельством, что на протяжении долгой истории альянса, с началом холодной войны провозгласившего своей целью оборону Запада и сдерживание СССР, его организационные и идентитарные аспекты неоднократно подвергались достаточно серьезной трансформации. НАТО менялась (вынуждена была меняться) в контексте экономической и политической глобализации, всё более изменчивой международной среды, мировой системы, которая стремительно усложнялась, в первую очередь в связи с увеличением количества и разнообразия негосударственных акторов, появлением новых угроз военного и невоенного характера. В свою очередь НАТО как организация и государства — участники альянса, прежде всего Соединенные Штаты, инициировали и/или потенцировали те или иные перемены либо новации в общественно-политических и научных дискурсах, влияли на формирование страновой, региональной (в рамках евро-атлантического сообщества безопасности) и глобальной повестки, создавали новые форматы взаимодействия как с международными институтами (достаточно вспомнить статус НАТО как глобального партнера ООН), так и с третьими странами и тем самым меняли мир [Johnston, 2017].

Некоторые исследователи, например Х. Хардт из Калифорнийского университета в США, утверждают, что неоднократные политические и идеологические кризисы, стратегические ошибки и просчеты в планировании и проведении военных операций, сопровождавшие историю НАТО, сформировали своеобразную «институциональную память» альянса, которая со временем придала ему большие гибкость и институциональную адаптивность [Hardt, 2016, 2018], способствовала обретению им уникальной коллективной идентичности.

В контексте описанных проблем особенную актуальность приобретают задачи осмысления и концептуализации сущностных характеристик НАТО в современных условиях радикальной трансформации мирового порядка. Для решения этих задач представляется целесообразным присмотреться к логике и динамике

выстраивания партнерских отношений как внутри альянса, так и с третьими странами, что позволит вписать эволюцию НАТО в более широкий контекст международно-политических процессов пост-биполярной эпохи.

Политика партнерства НАТО:

истоки и логика развития в постбиполярный период

Первому генеральному секретарю НАТО, британскому генералу, военному и государственному деятелю Соединенного Королевства лорду Гастингсу Лайонелю Исмею, приписывают ставшую крылатой фразой о сути и целеполагании предложенного США проекта евро-атлантической безопасности и обороны: «...держать русских [в другом варианте — Советский Союз] вне Европы, американцев — в Европе, а немцев — под контролем». Особая лидерская роль Соединенных Штатов — как с точки зрения их ресурсов и возможностей, так и в плане масштаба внешнеполитических амбиций — превращала НАТО в асимметричный военно-политический альянс. Его центральная роль в обороне Запада подкреплялась двусторонними соглашениями и договорами США с третьими странами, которые по какой-то причине — географической (нахождение за пределами Северо-Атлантического региона) или политической — не могли сразу присоединиться к новой организации, однако обладали несомненной геополитической значимостью для Вашингтона в его политической картине мира и в итоге вошли в НАТО.

В феврале 1952 г. в блок вступили Греция и Турция, в строгом смысле не принадлежащие к Северо-Атлантическому региону [см., например: Smith, 2000]. Это было связано не только с желанием укрепить «южный фланг» НАТО в Восточном Средиземноморье на границе с государствами социалистического блока, обеспечить безопасность поставок нефти из стран Ближнего Востока, но и с причинами политического и экономического свойства в русле доктрины Г. Трумэна. Свою роль сыграли усиление озабоченностей и страхов по поводу «коммунистической экспансии» в Европе и Восточной Азии, поражение коммунистов в ходе гражданской войны в Греции (1946–1949), в том числе в связи с неподдержкой их Советским Союзом, участие Греции и Турции в реализации «плана Маршалла» и рост удельного веса США в их внешней торговле наряду с укреплением позиций американского капитала в экономике

обеих стран, дипломатический конфликт Москвы и Анкары по поводу советско-турецкой границы.

В свою очередь именно политическими причинами объяснялось неучастие Испании в учреждении НАТО. Авторитарный франкистский режим осуждался западным общественным мнением (хотя соседняя салазаровская Португалия стала подписантом Вашингтонского договора). Стране по настоянию СССР было отказано во вступлении в ООН (Испания смогла войти в организацию лишь в 1955 г. при поддержке США и их латиноамериканских сателлитов), и она фактически оказалась в дипломатической изоляции после Второй мировой войны. Тем не менее наличие у Мадрида анклавов на североафриканском побережье (Сеута и Мелилья), а также Балеарских островов в Западном Средиземноморье, что позволяло контролировать Гибралтарский пролив и вход в Средиземное море, а с Канарских островов в Атлантике — стратегически важные пути между Америкой, Европой и Африкой, стало определяющим для США в их стремлении «укрепить фланги» НАТО (в случае с Испанией — в Западном Средиземноморье). Соединенные Штаты внесли решающий вклад в военное строительство страны, создали там необходимую для своих стратегических интересов и логистических потребностей военную инфраструктуру (построили дороги, полигоны, аэропорты, военные базы), оснастили испанскую армию современным вооружением и боевой техникой.

Серия союзнических договоров 1953 г. с Вашингтоном, по сути, подключила Испанию к системе обороны Запада: на ее территории были созданы «совместно используемые» военно-воздушные базы в Мороне (40 км юго-восточнее Севильи), Сарагосе, Торрехоне-де-Ардос (20 км восточнее Мадрида), а также военно-морская база в Роте, в северной части Кадисского залива. Стоит отметить, что сами двусторонние соглашения Мадрида и Вашингтона 1953, 1963 и 1970 гг. носили неравноправный для Испании характер: они имели статус «исполнительных» и не требовали ратификации Конгрессом США [Прохоренко, 1995: 80, 86–87]. В 1982 г., уже после успешного демократического транзита, Испания вступила в НАТО, а в военные структуры альянса окончательно вошла в 1996 г.

В дальнейшем, в постбиполярный период, в логике «многопаритетного мира» и меняющихся национальных интересов США на смену двусторонним союзническим договорам и соглашениям приш-

ли новые форматы [Дмитращенко (Баженова), 2014]. Во-первых, это «стратегическое партнерство» со странами, которые подписали с Вашингтоном договор о взаимных гарантиях безопасности и имеют к тому же статус «основного союзника вне НАТО», дающий определенные преимущества в сфере торговли оружием и военной техникой и кооперации по вопросам безопасности. В настоящее время обладателями статуса «основного союзника США вне НАТО» являются Австралия, Аргентина, Бахрейн, Бразилия, Египет, Израиль, Иордания, Катар, Кения, Колумбия, Кувейт, Марокко, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Таиланд, Китайская Республика (Тайвань), Тунис, Филиппины, Япония. Близки к получению такого статуса Азербайджан, Армения, Вьетнам, Грузия, Индия, Ирак, Мексика, Молдавия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сингапур, Украина (Афганистан был лишен указанного статуса в 2022 г. после смены политического режима в стране). Во-вторых, это «партнерства по стратегическому диалогу» с теми, с кем Соединенные Штаты стремятся установить или уже установили двусторонние связи, но не имеют намерения создавать стратегические партнерства (наиболее яркий пример — отношения с Китаем).

Результаты использования Вашингтоном подобной стратегии вовлечения можно увидеть в формате партнерства НАТО, который начал функционировать и развиваться с Лондонского саммита 1990 г., когда альянс обязался «протянуть руку дружбы» бывшим противникам в холодной войне. Вслед за организационными изменениями в структуре альянса — созданием в 1990 г. Совета североатлантического сотрудничества (переименован в 1997 г. в Совет евро-атлантического партнерства) — в 1994 г. начала реализовываться первая партнерская программа НАТО «Партнерство во имя мира» в отношении соседей в Восточной Европе и бывших республик СССР. Многие из них впоследствии стали полноценными членами блока (одна из ключевых задач партнерства НАТО — подготовка заинтересованных и готовых к этому стран к вступлению в альянс) в ходе расширений на Восток в 2004–2020 гг. Тогда же, в 1994 г., был инициирован Средиземноморский диалог, а спустя десятилетие альянс выступил со Стамбульской инициативой сотрудничества для стран Персидского залива³.

³NATO's partnerships // NATO. Last updated: 07.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_84336.htm (accessed: 05.06.2024).

В соответствии со Стратегической концепцией⁴, принятой в 2010 г. на Лиссабонском саммите, были предприняты усилия по реформированию политики НАТО в области партнерских отношений, с тем чтобы сделать диалог и сотрудничество более инклюзивными, гибкими, значимыми и стратегически ориентированными. Фокусом внимания обновленной политики партнерства, которая была одобрена главами внешнеполитических ведомств стран — участниц НАТО на встрече в Берлине в апреле 2011 г.⁵, стало укрепление существующих партнерских отношений посредством большей нацеленности механизмов консультаций и содействия сотрудничеству на обсуждение и решение конкретных вопросов. Принципиально важным явилось обновление военно-политической рамочной программы, регулирующей порядок участия государств — партнеров НАТО в политических консультациях и процессе принятия решений в отношении миссий, в которые они вносят свой вклад. Партнерам НАТО было предложено расширить политическое взаимодействие с альянсом и играть существенную роль в разработке и реализации проводимых под его руководством операций [Cooperative security..., 2014; Kaim, 2017].

В дальнейшем основными направлениями развития партнерских связей были выбраны следующие (сгруппированы в порядке приоритетности). Во-первых, углубление взаимодействия с партнерами по всему миру, а также с ключевыми глобальными субъектами, которые разделяют интерес союзников к мирным международным отношениям, но не имеют индивидуальной программы сотрудничества с НАТО. Во-вторых, использование форматов партнерства для решения ключевой для альянса задачи обеспечения безопас-

⁴ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation Adopted by Heads of State and Government in Lisbon // NATO. 19.10.2010. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (accessed: 05.06.2024).

⁵ NATO Foreign Ministers Gather in Berlin // NATO. 14.04.2011. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72360.htm? (accessed: 05.06.2024); Political Military Framework for Partner Involvement in NATO-Led Operations. Meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs. Berlin, Germany // NATO. 14-15.04.2011. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-PMF.pdf (accessed: 05.06.2024); Active Engagement in Cooperative Security: A More Efficient and Flexible Partnership Policy. Meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs. Berlin, Germany // NATO, 14-15.04.2011. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-Partnership-Policy.pdf (accessed: 05.06.2024).

ности на основе сотрудничества и учреждение в связи с этим двух инициатив: по поддержанию оперативной совместимости и по укреплению потенциала партнеров в области обороны и в смежных областях безопасности. В-третьих, увеличение вклада в усилия международного сообщества по обеспечению стабильности и безопасности за пределами территории (зоны ответственности) НАТО. Наконец, в-четвертых, оказание помощи партнерам по их просьбе в укреплении оборонных институтов, совершенствовании системы их собственной безопасности, борьбе с терроризмом и обучении лучшим практикам в этой сфере.

Согласно действующей Стратегической концепции НАТО (принята на Мадридском саммите в июне 2022 г.) партнерские связи играют ключевую роль в достижении одной из основных задач альянса — кооперативной безопасности (безопасности на основе сотрудничества): «Политический диалог и практическое сотрудничество с партнерами, основанные на взаимном уважении и взаимной выгоде, способствуют стабильности за пределами наших границ, укрепляют нашу безопасность на нашей территории и поддерживают основные задачи НАТО. Партнерские отношения имеют решающее значение для защиты всеобщего достоинства, повышения нашей устойчивости и поддержания основанного на правилах международного порядка»⁶.

Участниками программы «Партнерство ради мира» являются 18 государств: Австрия, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Грузия, Ирландия, Казахстан, Киргизия, Мальта, Молдавия, Россия, Сербия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан, Швейцария (НАТО приостановила свое сотрудничество с Белоруссией и Российской Федерацией, Совет Россия — НАТО последний раз собирался 12 января 2022 г.). Партнерами альянса по Средиземноморскому диалогу выступают 7 государств: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко и Тунис. Стамбульскую инициативу НАТО поддерживают Бахрейн, Катар, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. Остальные партнеры НАТО в различных регионах мира — Австралия, Афганистан (в настоя-

⁶ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. // NATO. Last updated: 03.03.2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (accessed: 05.06.2024).

щее время партнерство с ним приостановлено), Ирак, Колумбия, Монголия, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Япония (всего 9 стран).

Каким образом можно оценить развитие партнерских программ НАТО с точки зрения трансформации альянса после окончания холодной войны? Можно ли считать это простой *ad hoc* реакцией на кризис и распад биполярного мироустройства, отражением стремления превратить территориально близкую международную среду в безопасную и наиболее благоприятную для себя? Или углубление и уплотнение сети партнерских индивидуальных и многосторонних связей следует рассматривать как проявление фундаментальных организационных и идентитарных изменений внутри альянса? Для того чтобы ответить на эти вопросы, имеет смысл присмотреться к динамике взаимоотношений по линии НАТО — ЕЭС/ЕС как отличающейся наибольшими интенсивностью и значением.

Взаимодействие НАТО и ЕЭС/ЕС как стержневая конструкция Запада

Если использовать метафору «Запад», а также широко распространенный в последние полтора десятилетия в российской публицистике, политической науке и в массовом сознании россиян дискурсивный конструкт «коллективный Запад» [Бараш, Петухов, 2023], то взаимодействие НАТО и ЕЭС/ЕС как раз представляется стержневым несущим элементом этого конструкта. Для Североатлантического альянса Евросоюз является не просто ключевым, а жизненно важным партнером, поскольку помимо наличия общих ценностей и стратегических интересов на сегодняшний день 23 участника НАТО одновременно входят в состав ЕС [см. подробнее, например: Алёшин, 2023].

Во-первых, это взаимодействие укрепляет ценностное и организационное единство Запада, предотвращая или смягчая внутренние разногласия, противоречия и конфликты (не только международного, но и немеждународного характера, с участием негосударственных субъектов, в частности транснациональных корпораций, групп интересов), а также дезинтеграционные тенденции. Яркие тому примеры — Франция и ее опыт временного неучастия в военных структурах НАТО; Великобритания и ее выход из состава Европейского союза; фактическая вовлеченность в оборону Запада формально

нейтральных европейских стран — Австрии, Ирландии, Мальты, Финляндии и Швеции как государств — членов Евросоюза, участвующих в Общей иностранной политике и политике безопасности, а также оборонной политике ЕС и имеющих в случае Австрии, Ирландии и Мальты особый формат партнерских отношений с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира».

Во-вторых, такое взаимодействующее и согласованное взаимодействие придает принципиально новое качество совокупному потенциалу влияния ЕС и НАТО, США и других стран-участниц на мировое устройство и формирование региональных порядков.

В-третьих, учет и осмысление опыта друг друга можно назвать не просто удачным симбиозом — это взаимодействие продемонстрировало признаки гибридизации, позволив НАТО не только выжить и сохраниться после ухода в прошлое биполярности, но и институционально адаптироваться к изменениям международной среды, осуществить и количественное, и качественное развитие.

Наконец, такое взаимодействие позволило эффективно использовать инструмент санкций для изменения внешнеполитического поведения их объекта, к тому же санкции и ограничительные меры США и ЕС носят экстерриториальный характер.

При этом взгляд на взаимодействие ЕС и НАТО как разделение обязанностей (Вашингтон отвечает за военно-политические аспекты сотрудничества, Брюссель — за экономико-политические) является упрощенным. На это указывали еще в начале 1950-х годов эксперты, изучавшие феномен и деятельность Североатлантического альянса, подчеркивая тесную взаимосвязь и взаимообусловленность вопросов обороны и сдерживания, разработки и внедрения военных технологий, с одной стороны, и ресурсов экономик союзников — с другой [см., например: Sandler, Hartley, 1999].

Что в итоге позаимствовали НАТО и ЕС друг у друга в результате таких симбиоза и гибридизации?

Если смотреть в порядке хронологии, то первое — это формы привлечения национальных парламентов к работе НАТО и ЕЭС/ЕС, создание межпарламентских институтов — Парламентской ассамблеи НАТО в 1955 г. и Европейского парламента в 1957 г., несмотря на различия между ними. Европарламент представляет собой избираемый напрямую гражданами ЕС наднациональный представительный орган Европейского союза с законодательной

и бюджетной функциями и формальными возможностями контроля над исполнительной властью [Стрежнева, 2020]. Особое направление его деятельности — межпарламентское сотрудничество с третьими странами, (суб)региональными интеграционными объединениями и международными организациями (в настоящее время на постоянной основе функционируют 47 межпарламентских делегаций Европарламента в различных регионах мира, работа делегации ЕС в России и Комитета парламентского сотрудничества Россия — ЕС прекращена)⁷. Главными задачами Парламентской ассамблеи НАТО являются повышение координации, согласованности и взаимопонимания между парламентариями стран — участниц альянса и выстраивание диалога с представителями государств, не входящих в блок, но выражающих желание развивать партнерские отношения [Кислицын, 2020].

Сокращение так называемого демократического дефицита, выражающееся в возможности установить взаимодействие с рядовыми гражданами, — это лишь одна из задач такого формата для межправительственной организации и регионального интеграционного объединения, элитистских по своей природе. Этот формат дает дополнительные инструменты продвижения интеграционных инициатив и решений, например обмен опытом в законотворческой деятельности и лучшими практиками и, что не менее важно, личные контакты парламентариев, причем не только представителей правительственных партий. В случае с НАТО такой формат стал также одним из механизмов формирования общей оборонной идентичности, позволил привлечь к участию в деятельности организации третьи страны. В 1980-е годы, период эрозии и кризиса биполярности, одной из таких стран, на которые было направлено внимание альянса через механизмы в том числе Парламентской ассамблеи, стала Япония, сегодня связанная с НАТО и ЕС прочными отношениями стратегического партнерства [Nishihara, 2006].

Второе — это различные форматы партнерства НАТО с третьими странами, рассмотренные ранее. Если проанализировать партнерские связи альянса, то мы увидим не только большинство основных союзников США вне НАТО, но и партнеров Европейской политики

⁷ EP Delegations, Actors with a Global Reach // Delegations European Parliament. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/about/introduction> (accessed: 05.06.2024).

соседства: это и страны «Восточного партнерства», и государства Южного Средиземноморья. С 2004 г., с того времени, как НАТО запустила формат «Партнерство во имя мира», Евросоюз использует инструмент Европейской политики соседства для изменения в свою пользу территориально близкой к нему международной среды. Есть у ЕС и аналог Средиземноморского диалога НАТО — Евро-Средиземноморское партнерство, которое было инициировано Барселонским процессом (1995), а затем развилось в Союз для Средиземноморья. Одновременно Брюссель активно углубляет отношения со странами, которые являются региональными державами и играют или могут играть роль локомотивов региональной интеграции. Эти государства присутствуют и в списке основных партнеров США вне НАТО, а также поддерживают различные форматы партнерских связей с ЕС.

Как следствие, происходила трансформация коллективной оборонной (внешнеполитической) идентичности НАТО, когда речь стала идти скорее не о противопоставлении «Мы» — «Чужие», а о ситуации «Мы» плюс «Иные» против «Чужих». «Иные» — это те, кто хочет стать или уже стал «новым Западом» (бывшие социалистические и советские республики) и/или для кого отношения с ним являются приоритетными (одними из приоритетных) в условиях экономической и политической глобализации.

Однако укрепление международных позиций Европейского союза как глобального игрока и центра силы в логике формирования полицентричного мира, выдвижение идеи стратегической автономии ЕС и фактическое начало реализации одноименного проекта [Арбатова, 2019] позволяют предположить разногласия и даже конфликты в отношениях НАТО и ЕС, контуры которых некоторым исследователям удалось разглядеть еще на рубеже 2000–2010-х годов [см., например: Koops, 2010]. Вполне вероятна конкуренция или даже соперничество таких стратегических партнеров, как Евросоюз и НАТО, по вопросам расширительно трактуемой безопасности — международной и региональной (европейской), по подходам в отношении тех или иных международных кризисных ситуаций.

* * *

После окончания холодной войны в результате устранения «советской военной угрозы» НАТО столкнулась с серьезным кризисом

идентичности [Иванов, Халоша, 1999: 7], требовавшим переосмысления ее роли в направлении трансформации из военной в военно-политическую организацию, что наметилось уже в период эрозии и кризиса биполярности [Халоша, 1982]. Одновременно менялось представление о безопасности в науке о международных отношениях и в практической политике: ее стали всё более расширительно толковать, уделяя внимание не только традиционным, военным, но и невоенным аспектам, выявляя и оценивая новые вызовы, угрозы и риски безопасности как многоуровневого и многоаспектного феномена [Прохоренко, 1993].

С уходом в прошлое межблоковой конфронтации региональная НАТО постепенно превращалась в военно-политическую организацию, претендующую на участие в решении глобальных проблем и противодействие глобальным рискам, а по сути — на то, чтобы предложить себя миру в качестве глобального сообщества безопасности [Williams, Neumann, 2000; Алёшин, 2022]. Сделав заявку на глобальную роль в меняющемся миропорядке, НАТО расширила тематику своей деятельности, переориентировав ее, в том числе посредством развития политики партнерства, на противодействие кризисам и посткризисное регулирование, различные проблемы и аспекты гуманитарной и гендерной безопасности, публичной дипломатии, науки, технологий, изменения климата, а не только вопросы военного строительства, контроля над вооружениями и разоружения. Всё это свидетельствовало о, казалось, решительной трансформации НАТО из традиционного военно-политического объединения в настоящее «сообщество безопасности».

Однако эти тенденции были в значительной мере перечеркнуты резким обострением кризиса на Украине, который во многом был спровоцирован именно политикой партнерства НАТО. Поступательное расширение альянса на восток, противоречившее устным обещаниям высокопоставленных представителей США, сделанным на излете холодной войны, и особенно вступление в его состав трех прибалтийских республик бывшего Советского Союза (Латвии, Литвы и Эстонии) в 2004 г. вызвали не просто рост озабоченности, а серьезные опасения Москвы относительно усиления военной угрозы со стороны НАТО. На фоне превращения постсоветского пространства в высококонкурентную сферу борьбы за влияние между Россией и Западом эти опасения начали принимать экзистенциальный и самодовлеющий характер. Взаимные обиды и разо-

чарования придали эмоциональную окрашенность политическим разногласиям и обернулись снижением доверия и нежеланием слышать аргументы другого. «Квинтэссенцией противоречивых представлений России и Запада о приемлемых основах постбиполярной европейской безопасности», кульминацией их соперничества за сферы влияния на постсоветском пространстве и свидетельством полного распада системы коллективной безопасности в Европе стал конфликт на Украине [Арбатова, 2024: 89]. Из стратегического партнера, пусть и «Иного», Россию вновь превращают в «Другого», «Чужого», цивилизационно враждебного, что ставит под сомнение возможность построения инклюзивной и неделимой безопасности в Европе, а с точки зрения развития коллективной идентичности НАТО означает возвращение к прежней модели военного альянса.

Конфликт на Украине и глубокий раскол между Россией и Западом, который фактически исключает даже ограниченное сотрудничество по актуальным проблемам международной жизни, снова выводят на первый план в процессах формирования коллективной идентичности НАТО традиционную бинарную логику «свой» — «чужой» и позиционирование себя в качестве прежде всего военного альянса, а значит, блоку предстоят новые идентитарные и организационные трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёшин А.А. Великобритания — Евросоюз — НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс, 2023.
2. Алёшин А.А. Роль научного дискурса в стратегическом развитии НАТО // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4. С. 136–156. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.1.
3. Арбатова Н.К. Распад системы коллективной европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 6. С. 82–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-82-92.
4. Арбатова Н.К. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 36–52. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04.
5. Бараш Р.Э., Петухов Р.В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9.
6. Дмитращенко (Баженова) О.А. Особенности типологизации союзников США в американском политическом дискурсе // Вестник Московского

университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 114–133.

7. Иванов П.Л., Халоша Б.М. Россия — НАТО: что дальше? // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-6-5-15.

8. Кислицын С.В. Парламентская ассамблея НАТО // Межпарламентские институты в мировой политике / Отв. ред. И.Л. Прохоренко. М.: Весь мир, 2020. С. 150–160.

9. Прохоренко И.Л. Национальная безопасность и баланс сил // Баланс сил в мировой политике: теория и практика / Под ред. Э.А. Позднякова. М.: ИМЭМО РАН, 1993. С. 66–90.

10. Прохоренко И.Л. Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании. М.: ПаспортГрафика, 1995.

11. Сергунин А.А. Иммануил Кант: роль в развитии теории международных отношений. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

12. Стрежнева М.В. Европейский парламент как уникальный наднациональный институт // Межпарламентские институты в мировой политике / Отв. ред. И.Л. Прохоренко. М.: Весь мир, 2020. С. 205–227.

13. Халоша Б.М. Военно-политические союзы империализма: основные особенности и тенденции развития в 70-х — начале 80-х годов. М.: Наука, 1982.

14. Adler E., Barnett M. A framework for the study of 'security communities' // Security Communities / Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 29–65.

15. Cooperative security: NATO's partnership policy in a changing world / Ed. by T. Flockhart. Copenhagen: Danish Institute for International Studies (DIIS), 2014. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/177617/WP2014-01_NATO-partnerships_TFL_web.pdf (accessed: 05.06.2024).

16. Hardt H. How NATO remembers: Explaining institutional memory in NATO crisis management // European Security. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 120–148. DOI: 10.1080/09662839.2016.1263944.

17. Hardt H. NATO's lessons in crisis: Institutional memory in international organizations. New York: Oxford Academic, 2018. DOI: 10.1093/oso/9780190672171.001.0001.

18. Johnston S.A. How NATO adapts: Strategy and organization in the Atlantic Alliance since 1950. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2017.

19. Kaim M. Reforming NATO's partnerships. SWP research paper. German Institute for International and Security Affairs. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2017. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017RP01_kim.pdf (accessed: 05.06.2024).

20. Koops J.A. Unstrategic partners: NATO's relations with the European Union // *Entangling alliance: 60 Jahre NATO* / Ed. by W. Kremp, B. Meyer. Trier: Wissenschaftsverlag, 2010. P. 41–78.

21. Nishihara M. Can Japan be a global partner of NATO? // *RIPS policy perspectives*. No. 2. Tokyo: Research Institute for Peace and Security, 2006. Available at: https://www.rips.or.jp/en/wp-content/uploads/2018/04/RIPS_Policy_Perspectives_No.2.pdf (accessed: 05.06.2024).

22. Risse-Kappen Th. Collective identity in a democratic community: The case of NATO // *The culture of national security* / Ed. by P. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 357–399.

23. Rohan S. *The Western European Union: International politics between alliance and integration*. New York: Routledge, 2014.

24. *Routledge handbook of NATO* / Ed. by J.F. Olsen. Abingdon (UK); New York: Routledge, 2024.

25. Ruggie J.G. *Constructing the world polity: Essays on international institutionalisation*. London: Routledge, 1998. DOI: 10.4324/9780203424261.

26. Sandler T., Hartley K. *NATO and Europe // The political economy of NATO: Past, present and into the 21st century* / Ed. by T. Sandler, K. Hartley. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 201–222. DOI: 10.1017/CBO9781139175067.

27. Sjursen H. On the identity of NATO // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 4. P. 687–703.

28. Smith M. The accession of Greece and Turkey, 1947–52 // *NATO enlargement during the Cold War. Strategy and system in the Western Alliance. Cold War history series* / Ed. by M. Smith. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 62–95. DOI: 10.1057/9780333985359_4.

29. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. Correspondence: NATO and democracy // *International Security*. 2001. Vol. 26. No. 3. P. 221–235.

30. Webber M., Croft S., Howorth J. et al. The governance of European security // *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30. No. 1. P. 3–26. DOI: 10.1017/S0260210504005807.

31. Williams M., Neumann I. From alliance to security community: NATO, Russia, and the power of identity // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

32. Wyn Rees G. *The Western European Union at the crossroads between Trans-Atlantic solidarity and European Integration*. New York; Abingdon (UK): Routledge, 2019.

REFERENCES

1. Aleshin A.A. 2023. *Velikobritaniya — Evrosoyuz — NATO: reorganizatsiya 'transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti'* [Britain — the European

Union — NATO: Reorganization of the 'Transatlantic security space']. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

2. Aleshin A.A. 2022. Rol' nauchnogo diskursa v strategicheskom razvitii NATO [Scientific discourse on NATO's strategic evolution]. *International Trends*, vol. 20, no. 4, pp. 136–156. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.1. (In Russ.)

3. Arbatova N.K. 2024. Raspad sistemy kollektivnoi evropeiskoi bezopasnosti [The collapse of the European collective security system]. *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 6, pp. 82–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-82-92. (In Russ.)

4. Arbatova N.K. 2019. Strategicheskaya avtonomiya Evropeiskogo soyuza: real'nost' ili blagoe pozhelanie? [Strategic autonomy of the European Union: Reality or good intention?]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 36–52. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04. (In Russ.)

5. Barash R.E., Petukhov R.V. 2023. Identichnost' i istoricheskaya pamyat' rossiyan v usloviyakh protivostoyaniya 'kollektivnomu Zapadu' [Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the 'collective West']. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 14, no. 4, pp. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9. (In Russ.)

6. Dmitrashchenko (Bazhenova) O.A. 2014. Osobennosti tipologizatsii soyuznikov SShA v amerikanskom politicheskom diskurse [Classification of the US allies in contemporary American political discourse]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 2, pp. 114–133. (In Russ.)

7. Ivanov P.L., Khalosha B.M. 1999. Rossiya — NATO: chto dal'she? [Russia — NATO: What then?]. *World Economy and International Relations*, no. 6, pp. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-6-5-15. (In Russ.)

8. Kislitsyn S.V. 2020. Parlamentskaya assambleya NATO [NATO Parliamentary Assembly]. In: Prokhorenko I.L. (ed.). *Mezhparlamentskie instituty v mirovoi politike* [Interparliamentary institutions in world politics]. Moscow, Ves mir Publ., pp. 150–160. (In Russ.)

9. Prokhorenko I.L. 1993. Natsional'naya bezopasnost' i balans sil [National security and balance of power]. In: Pozdnyakov E.A. (ed.). *Balans sil v mirovoi politike: teoriya i praktika* [Balance of power in world politics: Theory and practice]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 66–90. (In Russ.)

10. Prokhorenko I.L. 1995. *Natsional'nyi interes vo vneshnei politike gosudarstva: opyt sovremennoi Ispanii* [National interest in foreign policy: Experience of modern Spain]. Moscow, PasportGrafika Publ. (In Russ.)

11. Sergunin A.A. 2011. *Immanuel Kant: rol' v razvitii teorii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Immanuel Kant: Contribution to the development of international relations theory]. Saarbrucken, LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.)

12. Strezhneva M.V. 2020. Evropeiskii parlament kak unikal'nyi nadnatsional'nyi institut [European Parliament as an unique supranational institution]. In: Prokhorenko I.L. (ed.). *Mezhparlamentskie instituty v mirovoi politike*

[Interparliamentary institutions in world politics]. Moscow, Ves mir Publ., pp. 205–227. (In Russ.)

13. Khalosha B.M. 1982. *Voenno-politicheskie soyuzy imperializma: osnovnyye osobennosti i tendentsii razvitiya v 70-kh — nachale 80-kh godov* [Military-political alliances of imperialism: Main features and trends in the 1970s — the beginning of the 1980s.]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Adler E., Barnett M. 1998. A framework for the study of 'security communities'. In: Adler E., Barnett M. (eds.). *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 29–65.

15. Flockhart T. (ed.). 2014. *Cooperative security: NATO's partnership policy in a changing world*. Copenhagen, Danish Institute for International Studies (DIIS). Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/177617/WP2014-01_NATO-partnerships_TFL_web.pdf (accessed: 05.06.2024).

16. Hardt H. 2016. How NATO remembers: Explaining institutional memory in NATO crisis management. *European Security*, vol. 26, no. 1, pp. 120–148. DOI: 10.1080/09662839.2016.1263944.

17. Hardt H. 2018. *NATO's lessons in crisis: Institutional memory in international organizations*. New York, Oxford Academic. DOI: 10.1093/oso/9780190672171.001.0001.

18. Johnston S.A. 2017. *How NATO adapts: Strategy and organization in the Atlantic Alliance since 1950*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press.

19. Kaim M. 2017. *Reforming NATO's partnerships*. SWP research paper. German Institute for International and Security Affairs. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017RP01_kim.pdf (accessed: 05.06.2024).

20. Koops J.A. 2010. Unstrategic partners: NATO's relations with the European Union. In: Kremp W., Meyer B. (eds.). *Entangling alliance: 60 Jahre NATO*. Trier, Wissenschaftsverlag, ss. 41–78.

21. Nishihara M. 2006. *Can Japan be a global partner of NATO? RIPS Policy Perspectives*. No. 2. Tokyo, Research Institute for Peace and Security. Available at: https://www.rips.or.jp/en/wp-content/uploads/2018/04/RIPS_Policy_Perspectives_No.2.pdf (accessed: 05.06.2024).

22. Risse-Kappen Th. 1996. Collective identity in a democratic community: The case of NATO. In: Katzenstein P. (ed.). *The culture of national security*. New York, Columbia University Press, pp. 357–399.

23. Rohan S. 2014. *The Western European Union: International politics between alliance and integration*. New York, Routledge.

24. Olsen J.F. (ed.). 2024. *Routledge handbook of NATO*. Abingdon (UK), New York, Routledge.

25. Ruggie J.G. 1998. *Constructing the world polity: Essays on international institutionalisation*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9780203424261.

26. Sandler T., Hartley K. 1999. NATO and Europe. In: Sandler T., Hartley K. (eds.). *The political economy of NATO: Past, present and into the 21st century*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 201–222. DOI: 10.1017/CBO9781139175067.

27. Sjusen H. 2004. On the identity of NATO. *International Affairs*, vol. 80, no. 4, pp. 687–703.

28. Smith M. 2000. The accession of Greece and Turkey, 1947–52. In: Smith M. (ed.). *NATO enlargement during the Cold War. Strategy and system in the Western Alliance. Cold War history series*. London, Palgrave Macmillan, pp. 62–95. DOI: 10.1057/9780333985359_4.

29. Waterman H., Zagorcheva D., Reiter D. 2001. Correspondence: NATO and democracy. *International Security*, vol. 26, no. 3, pp. 221–235.

30. Webber M., Croft S., Howorth J. et al. 2004. The governance of European security. *Review of International Studies*, vol. 30, no. 1, pp. 3–26. DOI: 10.1017/S0260210504005807.

31. Williams M., Neumann I. 2000. From alliance to security community: NATO, Russia, and the power of identity. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 357–387. DOI: 10.1177/03058298000290020801.

32. Wyn Rees G. 2019. *The Western European Union at the crossroads between Trans-Atlantic solidarity and European integration*. New York, Abingdon (UK), Routledge.

Статья поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 18.06.2024; принята к публикации 26.06.2024

The paper was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 26.06.2024